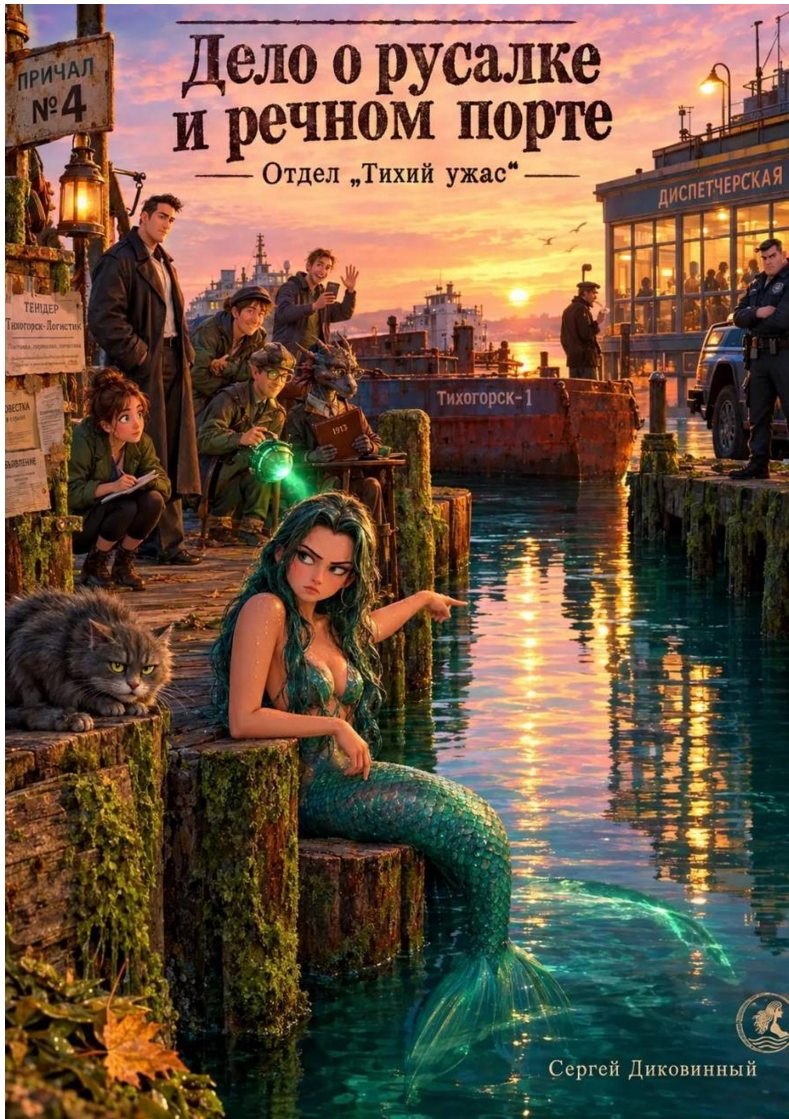

Дело о русалке и речном порте

— Отдел „Тихий ужас“ —

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Дело о русалке и речном порте

<https://litres.ru/74603548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Речной порт Тихогорска закрывают. Тихо, по-хозяйски, без скандала — так, будто он не работал здесь сто лет, а так, мимо проходил. На его месте хотят построить логистический хаб: склады, терминалы, бетон, кран, фура. Тендер выиграла фирма «Тихогорск-Логистик». Всё по документам. Всё чисто. Всё — с подписью одного уважаемого человека.

А потом в порту начинается непонятное. Баржа с щебнем не тонет, но не плывёт. У причала 4 по ночам поёт женщина. Рыбаки возвращаются без улова, зато с историями. Один матрос, самый трезвый из всех, клянётся, что видел её: сидит на свае, волосы мокрые, не мокнет, смотрит. Красивая. И — недовольная.

Отдел номер семь берётся за дело простое: разобраться, кто пугает рабочих. А выясняет дело не простое: в реке живут. И живут там давно.

Впереди — ночной рейд к причалу 4, разговор с русалкой, старый лоцман с чужой фамилией, дракон-нотариус, у которого в архиве всплывает договор 1913 года, и кот Тимофей, который вдруг начинает бояться воды. Впервые за всю серию.

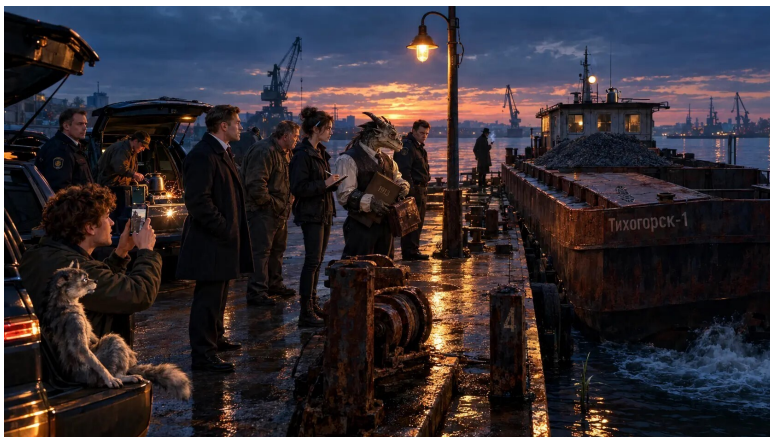
Содержание

Глава 1. Баржа, которая никуда не плывёт	4
Глава 2. Капитан Черенков	11
Глава 3. Договор 1913 года	21
Глава 4. Директор Вершинин и его тендер	32
Глава 5. Протока	43
ЭПИЛОГ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Диковинный

Дело о русалке и речном порте

Глава 1. Баржа, которая никуда не плывёт

Баржа «Тихогорск-1» не тонула.

Это само по себе было странно, потому что всё остальное
в речном порту Тихогорска тонуло последние лет двадцать

— понемногу, по частям, как и положено всему старому и честному.

Порт закрывали официально. По документам. С первого сентября он переставал быть портом и начинал быть «территорией перспективного развития». На территории должна была появиться логистика: склады, терминалы, бетонные плиты, фуры, кран, ещё кран, и ещё один кран, потому что «Тихогорск-Логистик» любила краны. Тендер выиграла одноимённая фирма, логотип у неё был синий, слоган — «Движение — это мы», и в приёмной висел портрет директора такого размера, что у посетителей начинала болеть шея.

Но баржа не тонула.

Она стояла у причала 4, гружёная щебнем, серая, рабочая, и никуда не плыла. Точнее — она собиралась плыть. Ей было велено плыть. Капитан Черенков, мужик пятидесяти пяти лет, с руками, как лопата, и лицом, как старая крышка, получил приказ в понедельник. В понедельник он завёл двигатель. Во вторник — завёл снова. В среду он позвонил в диспетчерскую и сказал:

— Она не идёт.

— В смысле?

— В смысле, не идёт. Двигатель работает. Винт крутится. Вода за кормой бурлит. А баржа стоит.

— А течение?

— Течение — есть течения. Она — стоит.

— Черенков, ты пил?

— Я бросил, — сказал Черенков. — И вот поэтому говорю: не идёт.

В четверг на барже побывала комиссия из трёх человек. Технически всё было в порядке. Двигатель — рабочий. Винт — целый. Корпус — без повреждений. Щебень — щебень. Вода под кормой — вода. Вес — нормальный. Объём — нормальный. Погода — нормальная. Комиссия походила по палубе, пописала в блокноты, потом закурила на корме и негромко сказала, что если так пойдёт дальше, то придётся писать объяснительную, а объяснительная, если писать её честно, будет выглядеть так: «баржа не плывёт по причинам, которые нам неизвестны и которые мы не хотим знать».

В пятницу баржу решили сдвинуть буксиром.

Буксир подошёл в одиннадцать. Был он крепкий, старый, надёжный, с носом, как у бульдога. Трос натянулся. Буксир загудел, завращал колесом, потянул. Трос натянулся до предела. Буксир завыл. Трос лопнул.

Баржа стояла.

— А может, — сказал Черенков из рубки, — она хочет, чтобы мы её спросили?

— Что?

— Ну, по-хорошему. — Черенков пожал плечами. — У нас всё как: тянут, тянут. А она чего хочет? Может, ей наоборот. Может, ей вниз. Может, ей вообще на месте стоять.

Комиссия уехала. Буксир уехал. Черенков остался. Он сидел в рубке и смотрел на воду. Вода была обычная. Только

цвет у неё был не как у воды: густой, зелёный, будто кто-то размешал в реке мох.

А вечером Черенков слышал, как поют.

Женский голос. Негромкий. Ровный. Спокойный. Откуда-то со стороны свай причала 4. Слов он не разобрал. Мелодия была не наша — не русская, не цыганская, вообще непонятно какая. Но красивая. И — странная: в ней не было ни тоски, ни радости. Она была как у человека, который просто напоминает. Вежливо. В третий раз.

Черенков аккуратно выглянул из рубки.

На свае никто не сидел. Голос шёл — и шёл откуда-то из-под воды.

Черенков аккуратно ушёл в рубку. Закрыл дверь. Закрылся на крючок. Сел на койку. Подумал.

И позвонил в полицию.

В отделе номер семь был вечер пятницы. Дроздов листал телефон. Кулибин паял. Синичкина проверяла отчёт. Муромцев лежал на диване и, казалось, спал — но это было ощущение, потому что он никогда не спал, когда был нужен. Орлов стоял у окна. На подоконнике цвела герань, рядом в горшке стоял маленький дубок, принесённый ещё весной Клинковым.

Тимофей сидел на папке «ВЕЩДОК» и был недоволен.

Он был недоволен всем: что папка лежит неудобно, что герань слишком яркая, что вечер пятницы и никто не уходит домой. Но когда Дроздов, подняв трубку, сказал:

— Порт. Причал номер четыре. Что-то с баржей и с женщиной, которая поёт под водой, — кот перестал быть недозволенным. Кот стал каким-то другим.

Никто этого не заметил. Никто не заметил, кроме Муромцева, который лежал на диване с закрытыми глазами и вдруг их открыл.

— Что с баржей? — спросил Муромцев у Дроздова.

— Не плывёт.

Муромцев подумал.

— А с водой?

— Что с водой?

— Цвет, — сказал Муромцев. — Какой цвет воды?

Дроздов прислушался к трубке и повторил, как ему сказали:

— Зелёная. Густая. Как мох.

Муромцев сел на диване.

Он сел так, что все это увидели, — а Муромцев сажился с дивана за всю серию не больше трёх раз.

— Что? — спросил Орлов.

— Едем, — сказал Муромцев.

— Кому?

— Всем, — сказал Муромцев. — И ему.

Он посмотрел на кота.

А кот уже шёл к двери.

Он шёл по-своему, по-кошачьему — не спеша, спокойно, будто он не собирался в первый раз в жизни куда-то ехать.

Но шёл. Это было видно.

— Он же никогда, — сказал Дроздов. — Мы же его не берём никогда.

— Сегодня берём, — сказал Муромцев.

Орлов посмотрел на кота. Кот — на Орлова.

Орлов ничего не сказал. Орлов накинул пальто.

— Кулибин, — сказал он. — Прибор.

— Какой?

— Который для воды, — сказал Орлов. — Он у тебя есть?

Кулибин посмотрел в свой ящик.

— Есть, — сказал он. — Только я не знаю, как работает.

— Никто не знает, — сказал Орлов. — Бери.

Кулибин взял.

Синичкина взяла блокнот. Дроздов — телефон. Дракон, приехавший к ним с документами по одному старому делу, поднял лапу.

— Простите, — сказал Аристарх Гекторович. — Но мне кажется, я поеду с вами.

— Зачем?

— Затем, — сказал дракон мягко, — что я не в первый раз слышу, как под водой поют. И у меня есть подозрение.

Он открыл свой портфель. В портфеле лежала тонкая папка. На папке стояла дата: 1913.

— Я подозреваю, — сказал дракон, — что в этой истории уже есть подпись. Моя. Только я её не помню.

Орлов кивнул.

— Едем.

Они вышли.

Внизу, во дворе, дожидались две машины. Ночь была холодная, сухая, звёздная. Город лежал тихий. Только где-то далеко, за спиной, в стороне реки, что-то слегка гудело — очень ровно, как большой спящий двигатель.

И в этом гудении, если очень постараться, можно было услышать женский голос. Он не пел. Он просто был уверен, что его услышат.

Глава 2. Капитан Черенков

Диспетчерская порта была построена в шестидесятых из того же материала, из которого в этой стране строили всё: из надежды. Она держалась на честном слове, на побелке и на карте реки, приколотой к стене четырьмя гвоздями. Три из четырёх гвоздей были вбиты.

Внутри пахло мазутом, чаем и старым деревом. На столе стоял графин с водой, который никто никогда не наливал. На стене висели часы, которые отставали на двадцать минут, потому что так было спокойнее.

Черенков сидел на табурете. Он был большой, усталый и

очень трезвый. Именно поэтому он всем своим видом показывал: то, что он сейчас рассказывает, — правда, и он сам от этой правды не в восторге.

Орлов слушал.

Синичкина писала.

Дроздов снимал — на телефон, конечно, но сначала он спросил разрешения, и Черенков разрешил, потому что ему было уже всё равно.

Кулибин ходил по диспетчерской с прибором-чайником и светил им по углам. Прибор тихо гудел и слегка пах лавандой, что само по себе было лишним.

Муромцев стоял у окна. Смотрел на воду.

Дракон сидел на втором табурете. Он держал папку 1913 года на коленях и молчал. Иногда он поднимал лапу, чтобы поправить пенсне, и снова опускал.

А кот — кот сидел на подоконнике, на самом краю, дальше всех от воды. Ни в окно не смотрел, ни на Черенкова. Он смотрел прямо в стену. Как будто стена ему что-то говорила.

— Значит, так, — сказал Черенков. — В понедельник я завёл двигатель. Во вторник — завёл двигатель. В среду — завёл двигатель, но уже без надежды. В четверг приехала комиссия. В пятницу пришёл буксир.

— И? — сказал Орлов.

— И, — сказал Черенков, — трос лопнул в двух местах.

— В двух?

— В двух, — сказал Черенков. — Рукой рвать можно бы-

ло. А он был новый. Я его сам в прошлом году принимал. Трос был — во! — он развёл руки на ширину стола. — А лопнул, как нитка. И знаете, что интересно?

— Что?

— Он лопнул не посередине. Он лопнул у самого берега и у самой баржи. Посередине остался целый кусок метра три. Гибкий. Как змея. И вот этим куском, — Черенков показал на воду, — эту самую воду как будто кто-то держал. С берега. И с баржи. И не пускал.

Дроздов перестал снимать. Он опустил телефон и смотрел на Черенкова с открытым ртом.

— А женщина? — спросила Синичкина.

— Женщина, — сказал Черенков и посмотрел в сторону причала 4. — Женщина поёт.

— Каждый вечер?

— Не каждый. Через вечер. Как расписание. — Он помолчал. — Я сначала думал: радио. Потом думал: ветер. Потом думал: я. Потом перестал думать. Потом позвонил вам.

Кулибин поднял прибор в направлении окна. Прибор мигнул, но не загорелся.

— Он молчит, — сказал Кулибин. — Он ничего не улавливает.

— То есть у нас ничего нет? — спросил Дроздов.

— У нас есть поющий голос, — сказал Кулибин. — И баржа.

— Это факты, — сказал Орлов. — Факты — уже немало.

— Фактов недостаточно, — сказал дракон. Он впервые за вечер заговорил. — В делах такого рода важно не то, что происходит. Важно — по какому праву. История должна иметь основание.

Он раскрыл папку.

Внутри лежал документ: жёлтый, тонкий, с типографской печатью в углу, с витиеватым шрифтом. Внизу — две подписи. Одна — крупная, чернильная. Вторая — оттиск. Оттиск был не совсем человеческий. Он был как будто поставлен чем-то мокрым и продолговатым. Чем-то вроде ладонью — но не ладонью.

— Это договор, — сказал дракон. — Заключённый в тысяча девятьсот тринадцатом году. Между Тихогорским речным обществом и... — он посмотрел на подпись, помолчал, — и «речным населением».

— Как это? — спросил Орлов.

— Стандартная формулировка эпохи, — сказал дракон. — Тогда писали аккуратно. Прежде чем застраивать берег, полагалось договориться с теми, кто в реке. Это считалось вежливым.

— То есть это как лесной договор, — сказала Синичкина. — Как у Клинкова.

— Да, — сказал дракон. — Но лесной договор был с землёй. А этот — с водой.

— И никаких бумаг об исполнении, — сказал дракон, — я в архиве не нашёл. Ни расписок. Ни приложений. Ни акта

о закрытии. Именно поэтому я здесь. Не как нотариус. Как сторона.

— Как сторона — чего?

— Сторона, которая двенадцать лет назад, — дракон помолчал, — вернее, сто десять лет назад, подписывала бумагу и надеялась, что она решится сама.

Синичкина вписала в блокнот: «речное население. договор 1913. не закрыт».

Дроздов шёпотом повторил: «Не закрыт», — и посмотрел на кота. Кот посмотрел на него обратно, но так, будто оценивал.

— А тендер? — спросил Муромцев, не отходя от окна.

— Тендер — другой вопрос, — сказал дракон. — Тендер — это бумага с человеком. Она сама по себе нейтральна. Она всего лишь означает, что кто-то взял на себя ответственность. Другое дело — что он этой ответственности не заметил.

— Кто выиграл? — спросил Орлов.

— «Тихогорск-Логистик». Директор — Вершинин. — Дракон посмотрел в папку. — Он подписывал бумагу в марте. Он подписывал её лично. Я, к сожалению, знаю его почерк: он подписывает резко, коротко, будто отрезает. Он на этой подписи не остановился. Он не посмотрел вниз. А под договором лежало ещё одно основание. Об этом основании он не знал.

— О каком? — спросила Синичкина.

— О старом, — сказал дракон. — Неподписанном. Незавершённом. О том, которое кто-то на берегу в тысяча девятьсот тринадцатом не выполнил.

Он закрыл папку.

— А женщина поёт почему? — спросила Синичкина.

— Потому что она ждёт, — сказал дракон. — От того, кто ей что-то должен.

Он помолчал.

— Терпеливо, — добавил он. — Вежливо. Но не бесконечно.

За окном стемнело окончательно. Порт лежал тихий, чёрный, редкие лампочки дрожали над причалами. Вода в свете лампочек была тёмно-зелёная, тяжёлая, с блеском, от которого в глазах что-то оставалось — как будто посмотрел и теперь не забудешь.

Тимофей сидел на подоконнике, к воде спиной.

Муромцев наконец обернулся от окна. Он посмотрел на кота. Он посмотрел на воду. Он посмотрел на Орлова.

— Надо выйти, — сказал он.

— Кому?

— Всем.

— Сейчас?

— Пока она поёт, — сказал Муромцев. — Если она будет петь и после, может стать хуже.

Черенков посмотрел на Муромцева с уважением, как смотрят на человека, который говорит вслух то, что ты ду-

мал, но не решался сказать.

— Ты-то откуда знаешь? — спросил он.

— Наслышан, — сказал Муромцев.

Он поднял с пола куртку. Надел. Пошёл к двери. И, не оборачиваясь, сказал:

— Кот пусть останется.

Кот встал. Посмотрел на Муромцева.

И — пошёл за ним.

Муромцев остановился.

— Ты не понял, — сказал он. — Я тебя жалею.

Кот не ответил. Кот стоял перед ним и смотрел снизу вверх. Обыкновенно, по-кошачьи. Но с таким выражением, будто он в курсе, чего его жалеют, и безмерно этим недоволен.

Орлов посмотрел на кота. На Муромцева. На всех.

— Берём, — сказал он. — Но за воду не пустим.

Они вышли на причал.

Ночь была холодная. От воды поднимался туман — не как обычно, а слоями: три полосы тумана шли параллельно берегу, как будто кто-то их выложил ровно. Лампочки на причалах дрожали. Баржа «Тихогорск-1» стояла у причала 4, легонько качалась — вверх, вниз, вверх, вниз — хотя течение здесь сроду не качало ничего.

Синичкина записала в блокноте: «качается».

Кулибин поднял прибор. Прибор встрепнулся. Прибор загудел громче. И в его гуле, если очень прислушаться, было

что-то похожее на голос.

Черенков остановился в пяти метрах от воды и дальше не пошёл. Он был большой, лысый, крепкий. И он не пошёл.

— Дальше не могу, — сказал он тихо. — Извините. Могу только здесь.

— Хорошо, — сказал Орлов. — Здесь.

Синичкина пошла вперёд. Остановилась на самом краю настила. Наклонилась. Посмотрела в воду.

На воде — на середине причала 4, у седьмой сваи — сидела женщина.

Она сидела на свае так, как сидят на скамейке. Одна нога опущена в воду. Вторая — хвост, потому что это был хвост, и это было видно отчётливо, и никто не успел этому удивиться, потому что дальше удивляться было некуда. Длинные мокрые волосы лежали у неё на плечах и на спине. Ни одна прядь не падала в воду. Лицо было спокойное, красивое, недовольное. Как у бухгалтера, которому третий раз принесли не тот отчёт.

Она посмотрела на Синичкину.

Потом на Орлова.

Потом на дракона.

Потом на Муромцева.

Потом на кота.

Она смотрела по очереди, внимательно, как будто считала. У всех у них внутри что-то стало холодно. Даже у Муромцева.

Потом она сказала — тихо и очень отчётливо, голосом человека, который умеет говорить вежливо и категорично одновременно:

— Наконец-то.

— Долго, — добавила она. — Я уж думала, вы вообще не придёте.

Дроздов, не сдержавшись, сказал:

— А вы... вы... вы русалка?

Русалка посмотрела на него.

— А вы — старший лейтенант? — сказала она.

— Д-да.

— Вот и я русалка, — сказала она. — Договорились.

И снова повернулась к дракону.

— Аристарх Гекторович, — сказала она. — Вы принесли бумагу?

Дракон замер.

Потом медленно открыл папку.

Потом медленно сказал:

— Вы меня помните.

— Я всех помню, — сказала русалка. — Мы на берегу не живём. Мы под водой. У нас долгая память.

Она подняла руку.

— Показывайте, — сказала она. — И потом поговорим.

Тимофей сидел на самом краю настила, дальше всех от воды и ближе всех к ночи. Его хвост нервно дёрнулся.

Никто этого не увидел.

Кроме русалки.

Она — очень коротко — посмотрела на кота. И в её глазах промелькнуло что-то, чего не было ни в одном человеческом взгляде: узнавание. Долгое. Спокойное. Как у человека, который нашёл наконец старого знакомого.

Никто этого тоже не увидел.

Глава 3. Договор 1913 года

Они стояли на причале. Русалка — на свае. Муромцев — у самой кромки. Орлов — на шаг позади. Синичкина — у лебёдки, с блокнотом, который она держала обеими руками, потому что одной рукой было холодно. Кулибин — с прибором, который теперь работал сам по себе и тихо рисовал в воздухе узоры лавандового цвета, ни у кого не спросив разрешения. Дроздов — с телефоном, но уже без записи, потому что рука дрожала. Черенков — там, где остановился: в пяти метрах, и ни шагу ближе.

И дракон.

Дракон стоял, держа перед собой папку 1913 года. Он раскрыл её и теперь читал. Читал медленно. Как человек, который надеется, что если читать медленно, текст окажется не тем, чем кажется.

Он оказался тем.

— «Договор о согласии и соседстве, — читал дракон, — заключённый сего числа между Тихогорским речным обществом, в лице председателя правления Попова Николая Никифоровича, с одной стороны, и речным населением Тихогорской протоки, в лице... — дракон запнулся. — ...в лице Её Настоятельства, с другой стороны».

— Её Настоятельства, — повторила русалка с некоторым удовольствием. — Хорошо писали. Тогда умели.

— «Предмет договора, — продолжал дракон. — Речное общество обязуется: не ставить на протоке плотин, не выводить в воду отходов, не ставить сетей у нерестилищ, не рубать ивняка по берегам ниже второго изгиба, не шуметь в ночное время ближе семидесяти саженей от своих же собственных складов, — здесь пометка на полях, — а также не строить никаких новых пирсов без предварительного согласования с речным населением».

— Читайте дальше, — сказала русалка.

— «Взамен речное население обязуется: не чинить препятствий судоходству, не выводить из строя лоцманские знаки, не удерживать кормчих против их воли, не пугать лошадей на переправе... — дракон поднял бровь. — Почему ло-

шадей?»

— Потому что переправы, — сказала русалка. — Лошади под воду уходят. За этим глаз да глаз нужен. Мы своих не забираем. Мы ваших не пускаем.

— Логично, — сказал дракон и продолжил: — «...не оказывать влияния на погоду в дни, когда речное общество проводит ярмарку, а именно в три дня Спаса...»

— Это они потом сами себе приписали, — перебила русалка. — Мы погоду не портим. Мы просто рядом стоим. А когда мы рядом стоим — дождь сильнее. Это не по злобе. Это просто влажность.

— «...не препятствовать в добыче малых пород рыбы, — прочитал дракон. — Срок действия договора — сто лет с возможностью перезаключения при сохранении общего состава сторон».

— Дальше подписи, — сказал дракон. — Первая — Попова. Вторая — ваша.

Он закрыл папку.

— И никаких приложений. Никаких актов. Никакого протокола о перезаключении.

— Именно, — сказала русалка.

— То есть, — сказал Орлов, — сторона по договору не перезаключила через сто лет, и теперь вторая сторона... — он помедлил, — вправе считать договор действующим?

— Не совсем, — сказала русалка. — Мы не счёт выставаем. Мы сторона. Мы просто хотим, чтобы с нами счита-

лись. Как в тринадцатом.

— И в сорок восьмом, — добавила она.

Дракон поднял голову.

— В сорок восьмом?

— В сорок восьмом, — сказала русалка, — вы приходили.

С человеком в плаще. Вы подписывали что-то другое. Про расширение рейда. И об этом вы, вероятно, тоже забыли.

Дракон молчал. Долго.

Потом сказал:

— Я не помню 1948 год.

— Я помню, — сказала русалка. — Вы были вежливы. Вы извинились за шум. Вы сказали, «это временно». Мы согласились. Мы ждали.

— И?

— И ничего, — сказала она. — Рейд расширили. Дно засыпали. Нерестилища ушли под намыв. Мы переждали. Мы умеем пережидать.

Она помолчала.

— Но теперь, — сказала она, — у вас, похоже, вообще всё серьёзно.

— Что вы имеете в виду?

— Баржу, — сказала русалка. — Мы держим её не потому, что злые. Она по нашему делу уже браконьерская: идёт в реку, которую завтра перегородит бетон. Мы просто не пускаем её дальше. Вежливо. Она стоит. Мы сидим. Никто никого не трогает.

Орлов посмотрел на баржу. Баржа стояла.

— Мы можем снять вопрос, — сказал он. — Если есть, за что.

— Есть, — сказала русалка. — Хотите — скажу коротко. Хотите — красиво.

— Коротко, — сказал Орлов.

— Коротко: тендер на развитие порта — это изменение берега. А берег — предмет нашего договора. Тот, кто берёт берег, берёт и наши условия. Тот, кто этого не понимает, — русалка посмотрела на дракона, — подписывается под нами. Внизу.

— Под договором, — медленно сказал дракон.

— Да.

Дракон снял пенсне. Протёр. Надел обратно.

— Господа, — сказал он тихо. — Я должен вам сказать одну вещь.

— Говорите, — сказал Орлов.

— Я эту бумагу не приносил в архив, — сказал дракон. — Я эту бумагу сам — своими лапами — в тридцать четвёртом году заменил. В тридцать четвёртом, когда рейд переносили. Под старую подпись я подложил новый лист. Потому что так надо было по обстановке. Новый лист был бледнее. Срок действия в нём не был прописан.

— То есть, — сказала Синичкина, — вы фальсифицировали...

— Я сохранил старое в бумаге, — сказал дракон. — Это

называется деликатно. В тридцать четвёртом это называлось «привести архив в соответствие». Копии шли в двух экземплярах. Один — в комиссариат. Второй — сюда. Здесь моя подпись под вторым экземпляром стояла вот здесь.

Он постучал когтем по краю папки.

— Значит, — сказал Орлов, — вы — сторона по договору 1913 года. В том числе.

— В том числе, — сказал дракон.

— И вы об этом молчали, — сказал Орлов.

— Молчал, — сказал дракон. — Потому что был уверен, что старое дело закрыто. Оказалось — не закрыто.

— Что теперь? — спросил он у русалки.

Русалка подумала. Потом сказала, всё так же вежливо:

— Теперь вам придётся нас выслушать. Не как полиция. Как сторона.

— Хорошо, — сказал Орлов. — Говорите.

Русалка посмотрела на баржу. На берег. На причал, где висело тендерное объявление «Тихогорск-Логистик». На диспетчерскую, где горел свет. На всех, кто стоял перед ней.

— Мы не против строительства, — сказала она. — Мы против того, чтобы строительство закрыло воду. Нам нужна протока. Одна. В ней — нерестилища. Мы вам назовём место. Оно вам не нужно: там мель. Там ничего, кроме нас.

— И взамен?

— Взамен — мы снимем баржу. — Пауза. — И, если надо, поможем с лоцманским делом. У вас будут проблемы на реке

и без нас. Мы можем помочь. Мы это умеем.

Орлов молчал. Синичкина писала. Дроздов смотрел в блокнот Синичкиной, как будто мог в нём найти ответ. Кулибин смотрел на прибор. Муромцев смотрел на воду — доброжелательно, как всегда.

Черенков посмотрел на всех и сказал:

— Это разумно.

Все обернулись на него.

— Что? — сказал Черенков. — Я всю жизнь на воде. Я знаю, что с ними можно говорить. Всё остальное — вода и вода.

Русалка посмотрела на него и впервые за вечер — улыбнулась. Один раз. Кратко.

— Хороший у вас капитан, — сказала она Орлову. — Передайте начальству.

— Уже, — сказал Орлов.

Он достал телефон.

— Кулибин, — сказал он.

— Я.

— Свет.

Кулибин поднял прибор. Прибор загудел сильнее. Над причалом прошла тонкая полоса лавандового света — как будто кто-то провёл лучом по воздуху.

И в этом свете — на свае, на воде, на причале — стали видны вещи, которых раньше не было.

На воде — сотни маленьких огоньков. У самой поверхно-

сти, под сваей. Не светлячки, не звёзды — тонкие, как блёстки. Светящаяся чешуя. Много. Речное население пришло не в одиночку.

На свае, у ног русалки, лежала книга. Старая. Мокрая. Толстая. Книга была не нашей: такую не печатали ни здесь, ни в соседних краях. На обложке был знак — маленькая волна, повёрнутая вверх.

— Что это? — спросила Синичкина.

— Это наш экземпляр, — сказала русалка. — Один из трёх. Второй — у вас, в папке. Третий — на дне. Все три — договор. Пока целы все три — договор не разорван.

— А если разорван? — спросил Дроздов.

— Тогда, — сказала русалка, — мы будем молчать. И вода тоже.

Это была самая страшная фраза за весь вечер.

Муромцев, не поворачиваясь, сказал:

— Мы всё сохраним.

— Вот и хорошо, — сказала русалка.

Она подняла книгу, приложила её к груди — как человек прикладывает документ, — и кивнула. И, не попрощавшись, ушла вниз.

Не прыгнула. Не нырнула. Просто соскользнула со сваи и оказалась под водой — без плеска, без кругов, без ничего. Вода в этом месте даже не качнулась. Огоньки на поверхности погасли — все разом.

На причале стало тихо.

Так тихо, как бывает только после того, как впервые в жизни поговорил с русалкой и остался жив.

Дроздов первым сказал то, что думали все:

— Ну ни фиги себе.

Никто не стал его останавливать.

Орлов посмотрел на дракона.

— Аристарх Гекторович.

— Да?

— В тридцать четвёртом вы подделали бумагу.

— Я привёл архив в соответствие.

— Вы понимаете, чем это пахнет?

— Понимаю. — Дракон поднял глаза. — Прокуратурой, скорее всего. Я готов.

— Не сейчас, — сказал Орлов. — Сейчас — расторжение тендера. Потом — вы.

— Хорошо.

Орлов посмотрел на причал. На пустую сваю. На воду.

— Черенков.

— Я.

— Заводите баржу.

Черенков не двинулся. Он стоял и смотрел на воду.

— Заведёте, — сказал он тихо.

— Почему?

Черенков посмотрел на Орлова.

— Потому что я слышу, — сказал он. — Она поёт. Сейчас. Только по-другому.

С причала вода донесла — очень слабо, не чтобы пугать, а чтобы сообщить — мелодию. Спокойную. Не тоскливую. Как у человека, у которого впервые за сто лет появилась надежда, что бумагу прочитают внимательно.

Тимофей сидел на самом краю настила, дальше всех от воды.

И вдруг — его хвост перестал дёргаться.

Он смотрел на реку. Долго. Серьёзно.

Муромцев подошёл к нему. Присел. Заглянул в глаза. Ничего не сказал. Только погладил — медленно, по спине, как успокаивают ребёнка, которому не хочется признаваться, что он боится воды, но который обязательно пойдёт в неё, если надо.

Тимофей посмотрел на Муромцева.

Потом на реку.

Потом — встал.

И пошёл по настилу в сторону диспетчерской. Не оборачиваясь. Как будто решил: хватит.

Никто не понял, что это значит.

Муромцев — понял.

Он встал.

— Домой, — сказал он.

— Чего? — спросил Дроздов.

— Домой, — сказал Муромцев. — Всё. На сегодня.

Орлов посмотрел на него. Потом на кота.

— Что с ним?

— Ничего, — сказал Муромцев. — Он передумал.

— Что передумал?

— Бояться воды, — сказал Муромцев.

Орлов ничего не сказал. Орлов посмотрел на реку.

Река была тихая. И — Орлов был уверен — она смотрела

в ответ.

Глава 4. Директор Вершинин и его тендер

Офис «Тихогорск-Логистик» занимал третий этаж бывшего Дома быта. Там раньше была парикмахерская, потом — салон красоты, потом — что-то ещё, а потом пришла логистика, и всё стало синим. Синие стены, синие папки, синий логотип на стене, синие ручки у синих секретарей. Директор Вершинин был в сером костюме — единственный, кто избежал корпоративной палитры, потому что он был директор и ему было можно.

Ему было сорок три. Он был аккуратный, подтянутый,

гладко выбритый, с руками человека, который не поднимал ничего тяжелее годового отчёта. Говорил он ровно, вежливо и быстро. В его кабинете был кондиционер, три монитора и табличка: «Не бывает сложных вопросов. Бывают недостаточно собранные данные».

Он этой табличке верил.

Аристарх Гекторович Крылов сидел напротив него. В кресле. С папкой на коленях. Уже сорок минут.

Орлов стоял у окна. Синичкина — рядом, с блокнотом. Муромцев сидел на стуле для посетителей — стул под ним слегка прогибался. Кулибин стоял у двери, с прибором, который он предусмотрительно выключил, потому что в присутствии Вершинина включать его было неприлично. Дроздов сидел ниже всех, на корточках, потому что нормальных стульев в кабинете было три, а их было шестеро.

Тимофей — Тимофея не было. Тимофей остался в отделе. У герани. Это было важно, и все это понимали.

Вершинин закончил говорить.

— Итак, — сказал он, — позвольте мне резюмировать. Вы приехали ко мне в семь утра, без вызова, с нотариусом в качестве... — он бросил вежливый взгляд на дракона, — сопровождающего, и сообщаете мне, что у моего проекта есть некая дополнительная сторона.

— Да, — сказал Орлов.

— Сторона — речное население, — сказал Вершинин.

— Да.

— Речное население.

— Да.

— В реке.

— В реке.

Вершинин снял очки. Протёр. Надел.

— Сергей Александрович, — сказал он, — я уважаю органы. У меня тётя работала в органах. Двадцать лет. Секретарём. И она мне говорила простую вещь: если у вас есть вопрос — говорите прямо. Если у вас нет вопроса — тоже говорите прямо. Так вот. У вас вопрос?

Орлов посмотрел на дракона.

Дракон раскрыл папку и выложил на стол два документа.

Слева — договор 1913 года. Жёлтый, тонкий, с двумя подписями.

Справа — его копия из архива 1934 года. Более бледная. С тем же текстом, но короче.

— Что это? — спросил Вершинин.

— Это договор, — сказал дракон.

— Я вижу, что договор. Между кем и кем?

— Между Тихогорским речным обществом и речным населением Тихогорской протоки.

Вершинин усмехнулся.

— Речное население. То есть рыба.

— Не только, — сказал дракон.

— Хорошо. — Вершинин откинулся в кресле. — Хорошо. Продолжайте. Что в этом договоре такого, что мешает мне

строить хаб?

— Статья четвёртая, — сказал дракон. — Никаких новых пирсов без согласования с речным населением. Ваш тендер — это двадцать два новых пирса. Плюс терминал. Плюс дамба.

— Это логистический хаб. Он утверждён. У нас разрешение на строительство. У нас заключение экспертизы. У нас согласование с администрацией. У нас — всё.

— Да, — сказал дракон. — Всё, кроме одного.

— Чего?

— Согласования с той стороной, у которой вы взяли берег. Берег вам не принадлежал. Он был в пользовании по договору. Вы получили его как земельный участок. Технически это законно. Но по существу — вы стали стороной, которая берёт на себя старые обязательства. Автоматически.

Вершинин снял очки. Протёр. Надел.

Он делал это уже третий раз за разговор, и это была его единственная нервная привычка.

— У меня заключение юриста, — сказал он ровно. — Договор 1913 года не является действующим. Он не проходил регистрацию. Он был заменён в 1934-м. Копия архивная — не имеет силы.

— Вы правы, — сказал дракон. — Формально.

— Формально — это и есть юридически.

— Да, — сказал дракон. — А неформально — есть вторая сторона. Которая в реке. Которая вчера ночью на причале 4

сказала мне, что ждёт нас сто лет, и что у неё есть экземпляр договора. И третий экземпляр — на дне. Все три — целы.

Вершинин посмотрел на Орлова.

— Это блеф.

— Это не блеф, — сказал Орлов.

— На каком основании вы это утверждаете?

— На том, — сказал Орлов, — что я её видел. Не на картинке. Лично. Пятьдесят минут назад.

Вершинин молчал.

Потом посмотрел на Синичкину:

— А вы?

— Я тоже, — сказала Синичкина. — Она сидела на свае.

Хвост был виден.

— Хвост, — повторил Вершинин тихо.

— Хвост, — подтвердила Синичкина.

— Вы хотите сказать, что я подписал тендер, — сказал

Вершинин, — под которым внизу стоит русалка?

— Не под которым, — сказал дракон мягко. — А над которым. Вам досталось основание. Основание — не ваше. Оно было прежде вас. Вам его отдали, потому что предыдущая сторона — то есть я и речное общество — ошиблись. Ошиблись и не закрыли.

— А сейчас?

— А сейчас это выглядит так, — сказал дракон. — Вы получили землю. Участок "прибрежная зона". Официально. Но по существу вы взяли её у воды. А у воды — свой хозяин.

Он вас не выгоняет. Он просит одну протоку.

— Протоку?

— Одну. Место, где проходит нерестилище. По документам — мель. По факту — их дом. У вас она в проекте идёт под засыпку.

Вершинин встал. Подошёл к окну.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим. Допустим, что это не бред. Допустим, что это не игра в фэнтези. Допустим, что есть некая... сторона. Что конкретно вы мне предлагаете?

— Изменение проекта, — сказал Орлов. — Одна протока. Мы официально зафиксируем это как природный объект. Природный объект — это подтверждение того, что там живёт что-то, что находится под охраной. Это вы делаете в рамках экологических согласований. Это вам не стоит почти ничего. И это — единственное, что от вас просят.

— А если я откажусь?

Орлов посмотрел на дракона.

Дракон — на Орлова.

Синичкина написала в блокноте: «если откажется». И подчеркнула.

— Если откажетесь, — сказал Орлов спокойно, — с вероятностью высокой, ваша баржа так и будет стоять. Ваши рабочие начнут уходить. Ваш стройматериал не будет двигаться по реке. У вас двадцать два пирса. Из них восемнадцать на воде. Вода — не ваша. Вода — их.

Вершинин молчал.

Потом спросил:

— А если я скажу, что это шантаж?

— Тогда я предложу вам другой сценарий, — сказал дракон. — Мы идём в прокуратуру. С двумя вариантами договора 1913 года. С моими объяснениями по 1934 году. С заявлением от капитана Черенкова. С протоколом отдела номер семь. И с официальным запросом администрации на предмет наличия неучтённого природного объекта в зоне строительства, который может быть объектом культурного и природного наследия, потому что на дне есть третья копия договора, а это уже не просто земельные отношения, это музей.

Вершинин надел очки.

Долго смотрел в окно.

Потом сказал:

— У нас три этапа согласования.

— Значит, три этапа и пройдем, — сказал Орлов.

— Мне потребуется заключение эксперта.

— Будет.

— Мне потребуется официальная бумага от администрации.

— Будет.

— Мне потребуется, чтобы этот ваш дракон перестал мне про 1913 год рассказывать.

— Он больше не будет, — сказал Орлов. — Он теперь по другому делу проходит.

Дракон склонил голову — коротко, без обиды. Впервые

за всё дело он выглядел как нотариус, а не как обвиняемый.

Вершинин постоял ещё. Потом снял очки. Потёр глаза. Надел обратно. И сказал — не Орлову, а куда-то в сторону, будто самому себе:

— Один раз в жизни, — сказал он тихо, — я подписал бумагу, не посмотрев, что под ней.

— Это, — сказал дракон мягко, — самая распространённая ошибка в моей профессии.

Вершинин обернулся.

— Сколько у вас такой практики?

— Сто десять лет, — сказал дракон. — С 1913-го.

Вершинин внимательно посмотрел на него.

— Я думал, вы просто... — он искал слово.

— Да, — сказал дракон, — я просто.

— Хорошо. — Вершинин выпрямился. — Значит, так. Я собираю совещание. Эксперт — от вас. Объект — от вас. Если всё это подтвердится, — он посмотрел на Орлова, — я лично приеду на причал. И извинюсь. На месте.

— Хорошо, — сказал Орлов.

— И ещё одно.

— Да?

— Скажите той женщине, — сказал Вершинин, — что я не против. Я просто не знал.

Орлов помолчал.

— Скажу, — сказал он. — Она услышит. Они там всё слышат.

Вершинин кивнул.

И — впервые за всё дело — улыбнулся. Коротко, не поделовому, а как человек, у которого впервые за много лет появилось что-то настоящее. Пусть и очень странное.

Они вышли.

В коридоре, у синих стен, Дроздов сказал:

— Ну я не знал, что бывает такой разговор.

— Какой? — спросил Кулибин.

— С директором.

— Какой? — повторил Кулибин.

— Ну... — Дроздов почесал затылок. — Нормальный. Как у людей.

— Это и есть как у людей, — сказал дракон. — Просто у людей на бумаге. А под бумагой — всегда кто-то ещё.

Спускаясь по лестнице, Орлов достал телефон и позвонил в отдел.

— Тимофей? — спросил он.

— Сидит, — ответила трубка голосом Громобоева. — У герани. Сидит и смотрит.

— Он не уходил?

— Куда он уйдёт, — сказал Громобоев. — Сидит как вкопанный. Только раз за всё утро посмотрел на дверь. И всё.

— Хорошо.

Орлов положил трубку.

И тут, на нижней площадке, у самого выхода из синего офиса, сидевший на подоконнике пожилой мужчина в тело-

грейке — с седыми усами, с руками, как у Черенкова, — сказал:

— Поговорили?

Орлов посмотрел на него.

— А вы кто?

— Лоцманов, — сказал мужчина. — Григорий Кузьмич Лоцманов. Старый лоцман. Фамилия такая. Смешная, я в курсе.

— Слушаю вас, — сказал Орлов.

Лоцманов посмотрел на дракона. Потом на Орлова. Потом кивнул куда-то наверх, на третий этаж.

— Я у него в штате. Тридцать лет. Никогда ничего не подписывал. Только место знал.

— Какое место?

— Протоку, — сказал Лоцманов. — Ту самую. Я её знаю с семи лет. Моя мать её тоже знала. У вас в проекте она засыпается. Я вам так скажу: не надо.

— Почему?

— Потому что тогда, — сказал Лоцманов спокойно, — вода уйдёт. Не от них. От нас. Из города уйдёт. Река просто уйдёт в другое место. И тогда ни порта, ни хаба, ни баржи, ни пирса — ничего не будет. И будет очень тихо.

Он встал.

— Я вам простое: не засыпайте протоку.

И пошёл вниз. Не оборачиваясь.

Дроздов смотрел ему вслед открытым ртом.

— Он...

— Он, — сказал дракон.

— Он как...

— Так, — сказал дракон.

— Нам кто?

— Свидетель, — сказал Орлов. — И сторона.

Он вышел на улицу.

Утро было городское, серое, свежее. Где-то далеко, в стороне реки, шёл пар над водой. Или не пар. Или очень похоже на пар.

Тимофей сидел в отделе у герани. Смотрел в окно. И ждал.

Глава 5. Протока

Ночь на реке была холодная и правильная.

Правильная — потому что всё было на своих местах: небо звёздное, вода тёмная, фонари над причалами горят как положено, туман — три слоя, ровно, как вчера. Баржа «Тихогорск-1» стоит у причала 4. Черенков в рубке. Буксир — рядом. Всё, как должно быть.

Неправильно было только одно: на причале собралось слишком много людей.

Отдел номер семь — в полном составе. Черенков. Лоцманов — приехал сам, никто его не звал. Вершинин — в тём-

ном пальто, без синего логотипа, с папкой. Его юрист — молодой, в очках, который всю дорогу молчал и явно не понимал, зачем он здесь. Дракон — с архивной папкой и печатью в футляре. Штопор — приехал на своей машине, никому не сказал, стоял в стороне, курил.

Громобоев — тоже был. В форме. Форма была тесна в плечах. Он стоял у машины, никого не подпускал к воде и сам ни шагу к реке.

Кот — Тимофей — сидел в машине на заднем сиденье, у окна. Смотрел на воду. Один раз за вечер попросился наружу — Муромцев его выпустил и потом опять усадил. Второго раза не было.

На свае пока никого не было.

— И что, — спросил Вершинин, — мы ждём?

— Да, — сказал Орлов.

— Чего?

— Что она выйдет.

Вершинин посмотрел на воду.

— А если не выйдет?

— Выйдет, — сказал Черенков. — Она по расписанию.

И действительно — вышла.

Так же, как вчера: без плеска, без кругов. Просто на свае появилась женщина. Волосы мокрые, плечи над водой, хвост в воде. Лицо — спокойное. Внимательное. Как у человека, который читает договор, а не смотрит в глаза.

Первым заговорил Вершинин.

— Здравствуйте, — сказал он.

Русалка посмотрела на него. Долго. Спокойно.

— Здравствуйте, — сказала она. — Директор.

— Да. Вершинин. Дмитрий Андреевич.

— Знаю, — сказала она. — Вы в марте подписывали бумагу. Я её видела.

— Как вы её видели?

— Мне её читали.

— Кто?

— Лоцманов, — сказала русалка и посмотрела в сторону старого лоцмана.

Григорий Кузьмич кивнул — коротко, по-мужски, без удивления. Как будто знал, что так будет.

— Моя мать, — сказал он тихо, — ей тоже читала. Все лоцмановские бумаги читались. Так дед завёл. Так я держу.

Вершинин медленно повернулся к Лоцманову.

— Григорий Кузьмич. Вы тридцать лет у меня в штате.

— Так.

— И вы читали документы... ей?

— Читал, — сказал Лоцманов. — И не только. Я ей говорил, что вы пишете. Что вы подписываете. Что у вас проект. Она всё знала. Каждый месяц. Она мне тоже говорила.

— Что говорила?

— Что она не злится, — сказал Лоцманов. — Что она терпит.

Русалка не двигалась.

Вершинин смотрел на неё.

Потом сказал — ровно, по-деловому, но уже чуть тише, чем раньше:

— Я приехал сказать: проект будет изменён. Протока останется.

Русалка подумала.

— Это хорошо, — сказала она. — Но этого недостаточно.

Вершинин сглотнул.

— А что вам нужно?

— Подпись, — сказала русалка. — На воде.

— Я не понимаю, — сказал Вершинин.

— Договор, — сказала русалка. — В трёх экземплярах. Один — у вас, — она посмотрела на дракона. — Один — у меня. Третий — в реке. Когда вы соглашаетесь с нами, — она помолчала, — вы подписываете все три. На берегу. На воде. На глубине.

— Что это значит?

— Это значит, — сказала русалка, — что вы будете стоять на причале. Дракон будет стоять на воде. Он умеет. Лоцманов — на плоту. И третья подпись должна быть поставлена там, где воду никто не держит.

— Где это?

— В протоке, — сказала русалка. — Где нерестилище. Там, где вам придётся найти место, если вы согласны.

На причале стало тихо.

— Это, — сказал юрист Вершинина — впервые за вечер,

— не имеет юридической силы. Никакой.

Все повернулись к нему.

— Сынок, — сказал Лоцманов ласково, — а где она есть, юридическая сила?

— В суде.

— Суд — на земле, — сказал Лоцманов. — А нам надо на воде.

Юрист открыл рот.

Закрыл.

Больше он за вечер не сказал ни слова.

Орлов посмотрел на Муромцева.

Муромцев кивнул. Подошёл к дракону. Сказал негромко:

— Аристарх Гекторович.

— Да?

— Вы умеете ходить по воде?

— Не по воде, — сказал дракон. — По сваям. Это разные вещи.

— По сваям — сможете?

Дракон посмотрел на причал. На воду. На сваю. На русалку.

— Смогу, — сказал он.

Он снял пальто. Отдал Дроздову. Снял жилет. Тоже отдал. Остался в рубашке с коротким рукавом — и оказалось, что дракон — очень крупный. Не толстый. Крупный. Как настоящий.

Он посмотрел на Орлова.

Орлов кивнул.

Он шагнул с причала.

И — пошёл по свае.

По самой длинной, той, что уходила в воду дальше остальных, к самой середине протоки. Он шёл медленно, тяжело, аккуратно ставя лапы. Коготь о коготь. Шаг. Ещё шаг. Ещё.

Он дошёл до конца сваи. Там, где сваи кончаются, — начиналась вода. Он посмотрел вниз. Он посмотрел на русалку. Русалка кивнула — коротко, по-своему.

Он поднял футляр с печатью.

— Аристарх Гекторович, — сказала русалка. — В третьей копии нужно, чтобы подпись стояла не на бумаге.

Дракон понял.

Он открыл футляр. Достал печать. Посмотрел на неё. Посмотрел на воду.

Он наклонился. Приложил печать к воде. Держал.

Секунду.

Две.

Три.

Потом поднял.

На поверхности воды, на самой середине протоки, в свете фонаря с причала — появился оттиск. Тонкий, золотистый, будто проступающий из глубины. Маленькая круглая печать: профиль дракона и рядом — маленькая волна. Такая же, как на книге русалки.

Дракон посмотрел на оттиск. Посмотрел на русалку.

— Готово, — сказал он тихо.

— Готово, — сказала русалка.

Она подняла руку. И — вода на поверхности протоки качнулась. Не назад. Вперёд. Тонкая, ровная волна пошла от сваи к берегу. Как будто кто-то провёл по воде ладонью. Или как будто кто-то впервые за сто лет вздохнул.

Баржа «Тихогорск-1» — та самая, что не плыла ни в понедельник, ни во вторник, ни в среду, ни в четверг, ни в пятницу — сама, без буксира, без команды, тихо сдвинулась с места. Медленно. Спокойно. Пошла от причала в сторону выхода из порта.

Черенков в рубке посмотрел на приборную панель. Ничего не тронут. Ничего не запущено. Просто баржа плывёт.

Он снял фуражку.

— Ну вот, — сказал он. — Поговорили.

Русалка на свае — впервые за две встречи — улыбнулась. Ей было хорошо.

Вершинин стоял на причале. Он смотрел на дракона, стоящего над водой. Смотрел на отпечаток на воде. Смотрел на русалку. Смотрел на баржу, которая уходила сама по себе.

Он поднял руку. Он сказал громко:

— Я согласен.

— Протока остаётся. Я подпишу всё, что нужно. Я лично приеду, — он посмотрел на Орлова, — сюда. С проектом. Через три дня.

Русалка посмотрела на него. Долго.

— Хорошо, — сказала она. — Я буду ждать, — и добавила, — приму вас здесь же. В полдень. Без полиции.

Она посмотрела на отдел номер семь.

— Извините, — сказала она. — Ничего личного. У нас не принято в наших делах приводить с собой чужих.

Орлов чуть улыбнулся.

— Принято, — сказал он.

Русалка кивнула. Посмотрела на дракона.

— Аристарх Гекторович.

— Да.

— В следующий раз, — сказала она, — читайте бумагу внимательнее.

Дракон молчал.

— Хорошо, — сказал он.

— И архив приведите в соответствие, — сказала русалка.

— Окончательно. Не так, как в тридцать четвёртом.

Дракон посмотрел на неё.

— Приведу, — сказал он.

Русалка посмотрела на причал. И — повернулась к коту.

Тимофей сидел в машине на заднем сиденье и смотрел на неё.

Русалка посмотрела на него.

Долго.

Никто не понял, что между ними произошло.

Она чуть заметно кивнула.

Тимофей не шевельнулся.

И русалка ушла в воду.

Так же, как вчера. Без плеска. Без кругов. Вода даже не качнулась.

На причале стало тихо.

Дроздов сказал:

— Ну ни...

— Не надо, — сказал Орлов.

Дроздов замолчал.

Дракон вернулся по сваям. Отдал печать Муромцеву. Надел жилет. Надел пальто. Поправил пенсне. И — посмотрел на Вершинина. Тот стоял спокойно. Он был директор. И у него — как он сам себе сказал — впервые за много лет была настоящая сторона.

— Аристарх Гекторович, — сказал Вершинин.

— Да.

— Вы меня научите читать бумаги?

Дракон подумал.

— Научу, — сказал он. — Всему. По частям.

Вершинин кивнул.

Штопор, стоявший в стороне, докурил сигарету. Бросил её в урну. Не попал. Пошёл к машине.

Орлов посмотрел на Муромцева.

— Кот — в порядке?

Муромцев посмотрел на машину.

Тимофей сидел у окна. Он больше не смотрел на воду. Он смотрел на середину протоки. Там, где стоял золотистый

оттиск печати.

— В порядке, — сказал Муромцев. — Он просто знает больше, чем говорит.

— Он всегда знает больше, чем говорит, — сказал Орлов.

— Да, — сказал Муромцев. — Но сегодня — впервые захотел спросить.

Он пошёл к машине. Открыл дверь. Сел рядом с котом. Завёл двигатель.

Орлов посмотрел на причал. На уходящую баржу. На оттиск на воде, который теперь слегка светился — как будто его прорисовали тонким золотым карандашом. Он посмотрел на Лоцманова. Лоцманов стоял спокойно.

— Григорий Кузьмич, — сказал Орлов.

— Что?

— Вы тридцать лет ей читали документы.

— Так.

— Вам не страшно было?

Лоцманов посмотрел на реку. И сказал тихо:

— А чего мне бояться? Она мне ничего плохого не сделала. Она мне только хорошее говорила. — Помолчал. — Единственный человек в моей жизни, который слушал меня каждый месяц. По расписанию. Ни разу не перебила.

Он пошёл к своей машине.

Орлов посмотрел на причал. На отдел. На реку.

Обернулся к Синичкиной.

— Пиши.

Синичкина подняла блокнот.

— Что?

— «Протока остаётся. Тендер изменяется. Сторона уведомлена. По делу 8 — сдать в архив с приложением».

— А дракон?

Орлов посмотрел на дракона. Дракон стоял спокойно. Он был готов. Он был готов и раньше — тридцать лет. Он был готов ещё в тридцать четвёртом. Просто тогда никто не пришёл.

— Дракон, — сказал Орлов, — по делу 6. Отдельно.

— Поняла, — сказала Синичкина и записала.

Они пошли к машинам.

Ночь была тихая. Вода в протоке стояла ровно. Оттиск печати в её середине — золотистый, тонкий, аккуратный — не растворялся.

Он был первым документом за сто лет, поставленным в воду.

И, судя по тому, как спокойно вокруг стало, — последним, который надо было поставить именно так.

сять метров влево. В другом — не менять вообще. В третьем — сказала, что там просто хорошо, и предложила ничего не трогать.

Вершинин сказал: хорошо.

Он подписал все три экземпляра. Третий экземпляр — тот, что на воде, — он подписал не в воде, а на листе, который Лоцманов подал ему на плоту, но лист держали над водой, и дракон приложил к нему свою печать заранее. Все три экземпляра — договорились.

Русалка сказала:

— Спасибо.

Вершинин сказал:

— Извините.

Русалка подумала.

— Извинения приняты, — сказала она. — Чай оставьте.

Чай оставили. Он потом долго стоял в диспетчерской, у Черенкова, никто его не открывал.

Порядок. Всё как надо.

А в отделе номер семь в тот же вечер стояла герань на подоконнике. Цвела. Рядом — маленький дубок в горшке, принесённый ещё Клиновым. Рядом — маленький клён, принесённый Фикусовым весной. Рядом — новая тонкая склянка с чем-то, что пахло солёной водой, — Синичкина принесла. И ещё — маленький стеклянный «берег»: в банке была речная галька, вода и тонкая зелёная водоросль.

Она не увядала. Она держалась.

Тимофей сидел на подоконнике рядом с галькой. Смотрел на воду в банке. Долго. Спокойно.

Муромцев, лежа на диване, открыл один глаз.

— Что там, Тимофей?

Кот не ответил. Кот смотрел на воду.

Орлов подошёл к нему. Присел рядом. Посмотрел на воду в банке. В ней ничего не было — кроме гальки, кроме водоросли, кроме маленького золотистого отблеска на самом дне, который вполне мог быть просто отражением окна.

— Здесь что-то есть, — сказал Орлов тихо.

Тимофей посмотрел на него.

И — впервые за серию — сам толкнул носом банку. Один раз. Коротко. Как будто сказал: «Тут. Смотри. Всё нормально. Хранится».

Орло

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.